

29

RUSSISTIK
РУСИСТИКА

Die wissenschaftliche Zeitschrift
научный журнал

für aktuelle Fragen
актуальных проблем

des Russischunterrichts
преподавания русского языка

DIETER LENZ VERLAG

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	4
Статьи	
Г.Н. СКЛЯРЕВСКАЯ (Ст. Петербург) Структура личности сквозь призму языковой метафоры	6
О.Е. ОЛЬШАНСКИЙ (Славянск) Проблема исторических изменений морфемной структуры слова в трудах Николая Вячеславовича КРУШЕВСКОГО (1851–1887)	17
П. СЕРЬО (Лозанна) Об истории советского языкознания как пути к осмыслению истории Советского Союза	24
В.П. ЖУКОВ (Новгород) Формоизменение фразеологизмов русского языка	36
Е.В. ПЕТРУХИНА (Москва), Р. ГУСМАН ТИРАДО (Гранада) Синтаксическая функция глагольного вида и лексическое значение глагола в русском языке	41
В. БЫКОВ (Берлин) История и современность русского аргю	50
Й. ГАЗДА (Брно) Актуализация лексики в процессе обучения студентов–русистов	60
М.В. ГОРБАНЕВСКИЙ (Москва) Отворить врата правды	69
Учителям русского языка:	
С.И. ТИМИНА (Ст. Петербург) Русская советская литература в зеркале современной школы	72

Рецензии

- Л.П. КРЫСИН (Москва)
Разновидности городской устной речи.
Отв. редакторы Д.Н.Шмелёв и Е.А.Земская. М., "Наука", 1988 79
- Р. ЭККЕРТ (Берлин)
В.П. ЖУКОВ, А.В. ЖУКОВ: Школьный фразеологический словарь
русского языка. 2-ое изд., перераб., Москва "Просвещение", 1989 86

Хроника

- Испанская ассоциация русистов 89
- Открытие EUROPA-UNIVERSITÄT 92
- Решение о возвращении исторических наименований площадей,
улиц и переулков г. МОСКВЫ и переименовании некоторых
станций метрополитена 93
- Авторы этого номера 95

П.СЕРЬО (Лозанна)

ОБ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ КАК ПУТИ

К ОСМЫСЛЕНИЮ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Если читать современную советскую печать, а особенно – печать периода перестройки, то непременно натолкнешься на один из тех "проклятых вопросов", которые напрашиваются, когда пытаешься подвести итоги истории Советского Союза: когда все выродилось? когда с первоначально верного пути свернули на путь, приведший к таким трагическим последствиям?

От ответа на эти вопросы в известной степени зависит тип решения глубокого кризиса идеологического и национального идентитета, который сейчас переживает страна.

Переосмысление истории в Советском Союзе, по-видимому, еще мало затронуло области истории гуманитарных наук, в том числе науки о языке, пытавшейся в большей степени, чем, скажем, социология или политэкономия, овладеть тем, что определяет социальные отношения в обществе. Если речь идет о стране, опирающей законность своего существования на научное понимание истории, то можно ожидать от истории гуманитарных наук обновленного подхода к истории Советского Союза и необыкновенного угла зрения.

Прежде всего, можно ли составить "повествование" истории советского языкознания? Можно ли составить некую последовательность текстов, упорядоченных по хронологическому признаку, которая представляла бы – в зависимости от выбора или вкуса исследователя – прогресс знания или же, наоборот, поступательное погружение в темное сталинское сумасбродство? Но состоялись ли уже попытки отделить то, что в исследованиях о языке принадлежит к лингвистике от того, что остается за ее пределами? Во избежание априорного размежевания я буду пользоваться понятием "дискурс о языке". Определим это понятие очень простыми словами: это то, что говорится о данном предмете, в данной социальной или идеологической среде, в данный исторический момент. Этим оно отличается от более традиционных понятий, как например "дух времени" в интереснейшей книге Т.Самуэляна об истории советского языкознания, в которой мы нашли много ценных исторических сведений.

Дело в том, что в Советском Союзе 20-х – 30-х годов "дискурсы о языке" проводятся в разных местах. Даже в конце 30-х годов невозможно найти строгую монофонию, раз и навсегда установленную догму, также как и нельзя обнаружить единый источник дискурса о языке, такой, как, например,

политическая власть, которая представляла бы собой великого манипулятора, указывающего всем ученым на то, что они должны говорить и делать. И, с другой стороны, работу над языком, выполняющую прямой политический заказ (языковое строительство, ликбез, языковая политика, сознательное вмешательство в язык...), нельзя оценить как чистое сумасшествие под предлогом, что в научную область вкрадывается идеология, или что на научные вопросы хотят найти политические ответы.

Многочисленны, противоречивы определения языка. О том, что поиски определения языка не являются безобидным пустословием может убедить нас пример Советского Союза. Это была страна авангарда в учении о языке, стоит подумать о Р.О.Якобсоне, Н.С.Трубецком, Я.Бодуэне де Куртенэ. И это была страна, в которой лингвистов расстреливали именно за их определение языка, стоит вспомнить Е.Д.Поливанова, В.Н.Волошинова, Э.Дрезена и многих других. Что же такое страшное и странное кроется в этом определении объекта науки, если оно способно приводить людей к ссылке или к смертной казни, как и обеспечить им самую блистательную карьеру? Что отличает язык от остальных объектов науки?

Для того, чтобы поддержать гипотезу о том, что в Советском Союзе сталинского периода существовало необычайное отношение к языку и к репрезентации вообще, я предлагаю затронуть вопрос, который наложил глубокий отпечаток на эту страну в первый период ее существования, а именно: "почему языки меняются?". Этот вопрос скоро превратился в другой: "можно ли изменить язык?", а за ним следовал более теоретический вопрос: "каким должен быть язык, чтобы можно было его изменить?". Под этим вопросом лингвистической теории скрывался другой вопрос, более политического характера: каково взаимоотношение языка и общества, языка и нации?

I

В первые годы после Октябрьской революции большевистское руководство, хотя уже пытается влиять на развитие науки, но оно занято такой массой практических забот, что во время военного коммунизма или НЭПа не уделяет большого внимания языковедческим проблемам. Кроме того, мало находится ученых, готовых следовать указаниям правительства в области науки (VUCINICH-84). Лингвисты продолжают свои прежние работы, причем трудно обнаружить прямую связь между их научной деятельностью и политическими событиями. Но если не в лингвистике, то в другом "дискурсе о языке", а именно в литературе, возникает идея переделать язык и даже создать совершенно новый язык, например в среде поэтов-футуристов. Однако от Советской власти начинают регулярно поступать многочисленные сигналы, которые в дальнейшем будут иметь немаловажные последствия в самой практике языкознания. Создавшийся в 1922 г. Советский Союз имел ту особенность, что он должен был представлять собой первое общество, вполне сознательно управляющее собой, держащее свою судьбу в своих руках.

Однако стоит напомнить, что страна получила в наследство от царской Империи чрезвычайно запутанную этноязыковую ситуацию. Ибо как можно было "привести массы в движение", если эти массы были разделены доброй сотней языков, не только мало изученных, но и часто с очень шаткими пределами? В 1919 г. "в целях предоставления всему населению Республики возможности сознательного участия в политической жизни страны Совет Народных Комиссаров постановил: все население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучаться грамоте на родном или русском языке, по желанию". (Декрет Совета Народных Комиссаров: "О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР", Сборник важнейших декретов, 1923, стр.193, цит. по Самуэляну).

Для того, чтобы спаять еще неустойчивую федерацию национальностей в нестабильных материальных условиях, пришлось сосредоточить практическую работу на проблеме национального идентитета и сделать из ее решения ключ к рациональной планификации создания будущего социалистического общества. Тут-то и стали возникать недоразумения. Ведь, с одной стороны, при провозглашении Федерации, 30-го декабря 1922 г., Сталин заявляет на съезде Советов, что эта федерация станет "решительным шагом к слиянию трудящихся всего мира в одну мировую советскую Республику". С другой стороны, Ленин, как и остальные большевики, требует полной свободы для всех языков и всех наций. Одним из последствий этого требования явилось то, что до недавнего времени Советский Союз был в принципе страной без единого государственного языка. Однако Ленин очень рано (16-го мая 1917 г.), в "Постановлении о национальном вопросе", выразил опасение перед угрозой, которую могли представлять тесные национальные отношения между буржуазной и пролетарской культурами отдельных наций. В 1917 г. РСДРП ставила себе целью способствовать развитию "международной культуры мирового пролетариата".

Лингвистов призывали не только исследовать языки, но и управлять их развитием. Чем можно было ответить на этот призыв?

В первой половине двадцатых годов в Европе вырабатываются общие принципы политического управления обществом. Марксизм-ленинизм, в противоположность нацистской идеологии, эксплицитно отказывается от всякого рассуждения генетического типа. Нет ни человеческой природы, ни биологической передачи генов, человек является продуктом социо-экономико-идеологических условий своего существования, это воспитываемое животное.

Таким образом, если общество хочет управлять своей судьбой, оно должно создать свою собственную систему общения. В затрагиваемой нами области это может быть переведено двояко: либо "чтобы изменить общество, нужно изменить язык", либо "изменить общество, это значит изменить язык".

В ответ на этот политический запрос нашелся один лингвист, уже немолодой в момент Революции, Н.Я.Марр. Его теория, т.н. "новое учение о языке", к которой он пришел независимыми от марксизма путями, являясь радикально новым дискурсом о языке, была приемлема для политической власти в Советском Союзе. Можно ее вкратце изложить так:

– язык является надстройкой над экономическим базисом, так же как искусство или юридические системы.

От понятия языка как надстройки проистекает серия последствий:

– разные состояния языка сменяют друг друга как отражение изменения социально-экономических формаций;

– нет языковых семейств, существуют последовательные "стадии", через которые неизбежно проходят все языки. Раз все надстройки имеют классовый характер, язык также имеет классовый характер.

Из этого следует, что нет соответствия между языком и нацией, понятие национального языка является обманчивым, и данное состояние языка объясняется типом общества, в котором на нем говорят.

В известной степени "марризм" в общих чертах хорошо подходил Советскому Союзу двадцатых годов благодаря своему интернационалистскому характеру, своей приспособленности к многонациональному государству, в котором должны были быть преодолены этно-языковые конфликты, и, наконец, своей совместимости с конечной целью общества без классов и без различия языков.

Такой дискурс о языке, отвечающий марксистской утопии будущего счастья окончательно объединенного человечества, был в то время воспринят отрицательно со стороны многих других лингвистов, но среди неспециалистов вызывал иногда большой интерес, даже за рубежом.

В конце двадцатых годов Н.Я.Март в "Институте языка и мышления" ставит практическую задачу: создавать новые типы языков посредством "гибридизации" существующих языков. Такой тип гибридизации он находит, например, уже в русском языке, который, по его мнению, состоит из разнородной смеси турецкого, финского и скифского языков. Примечательно, что только после поэтов-футуристов лингвисты берутся изменять язык.

В этот период на административном уровне решается "языковое строительство" страны. Советская конституция 1924 г. гарантирует, что все официальные документы будут издаваться на официальных языках республик. Но здесь мы в очередной раз сталкиваемся с проблемой определения: что такое язык Советской республики? Это должен быть язык, на котором говорит самая многочисленная национальность на территории Республики. Но где проходят границы национальности, этноса? Некоторые национальные языки пришлось всецело сфабриковать. Например, среди тюркоязычного населения Средней Азии континуум диалектов был такой, что можно было бы создать общий "литературный" язык, основанный на среднем диалектном варианте, понятный и приемлемый для всех носителей тюркских диалектов. Однако был избран иной путь: бывший Туркестан был разделен на пять республик, и киргизский, казахский, узбекский и туркменский языки стали официальными языками, характерные черты которых основывались на самых центробежных вариантах диалектов¹.

Носители ряда языков превышали число носителей республиканского статуса, например, волжские татары. Но Татария является автономной, а не федеративной

Республикой, и татары не имеют права на полное обучение на родном языке, в отличие, например, от менее многочисленных киргизов.

Другую проблему составляли языки меньшинств без территориального статуса, такие как идиш. В двадцатые годы существовали еврейский театр, еврейская пресса и литература, но идиш не был языком официальным.

Наконец следует напомнить о щекотливом вопросе части и целого. Конституция Грузии гласит, что грузинский язык является официальным языком грузинской Республики. Однако в Грузии имеются собственные национальные меньшенства, такие, например, как Абхазия. Но официальный статус абхазского языка уступает грузинскому, так как Абхазия не находится на том же иерархическом административном уровне, по сравнению с Грузией.

Этот тип мышления дискретными, прерывными категориями не принадлежит только чисто административной логике. Он вытекает из сталинского определения нации как "исторически сложившейся устойчивой общности людей, возникшей на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры". (Сталин, 1913). Этот набор отличительных черт, если не считать экономического критерия, сильно напоминает романтическое видение нации или точнее народа, какое можно найти, например, у Гердера в конце XVIII века. Народ-нация представляет собой совершенно закрытую категорию.

Но эту закрытую категорию трудно совместить с теорией слияния языков и наций в будущем обществе. Тем не менее в двадцатые годы данное противоречие еще не составляет большого препятствия для работы над языком.

В чем заключается роль специалистов языка в этом "языковом строительстве?" Немного позднее, писателей назовут "инженерами душ"; Винокур же в 1923 г. сравнивает лингвистов с "инженерами языка". В своей статье "Культура языка", название которой будет широко употребляться в нормативных начинаниях не только в СССР, но в дальнейшем и во всех социалистических странах, он отстаивает идею, что перед языкознанием, "технологией языка", стоит насущная задача: сознательно вмешиваться в развитие языка. Он считает, что всякий языковой процесс есть социальный процесс, и что его нужно рационально организовать.

В те годы язык не считался ни автономным организмом, ни отражением души народа, а искусственным созданием, которое можно изменить произвольно. Именно тогда (в 1928 г.) так относился к языку М.Горький:

"Мне кажется, что мы, люди, вправе сказать: все то, что нами называется "культурой", вся та "вторая природа", которая создается нашей наукой, техникой, искусством, словом все то, что отводит нас от животных, – все это "искусственно"... Для человека, – насколько он животное, – естественно лакать или пить горстью, ходить голым, рычать, но вовсе не естественно выдумывать Прометея, Фауста, Дон-Кихота. Мы все живем в домах, городах, среди вещей, сделанных силою нашего разума и воображения, нашей волей для того, чтобы наша жизнь была легче и приятнее нам. Если в людях возникает сознание

необходимости говорить всем на одном языке – это тоже будет сделано. [...] человеку пора внушить себе: я все могу” (Горький – 1928, цит. по Сवादосту-68:220).

В те годы господствующий дискурс о языке позволял лингвисту Н.Ф.Яковлеву в 1928 г. выработать ”математическую формулу построения алфавита” для любого языка, или ученому К.Э.Циолковскому, основоположнику советской космонавтики, изобрести в 1927 г. пишущую машинку, работающую с универсальным алфавитом, позволяющим писать на всех языках мира.

Но со второй половины двадцатых годов политическая власть начинает обращаться к ученым с более настойчивыми просьбами. Новое, строящееся общество должно опираться на новую, объединенную марксистскую науку.

В конце двадцатых годов учение Марра приобретает доминирующую позицию в советском языкознании. Отвергая всякие рассуждения, которые могли бы держаться на понятии об этносе, он разрабатывает теорию, которая должна воспрепятствовать всякому проявлению великорусского шовинизма в СССР. Для него, как этническая чистота славян, так и общее происхождение славянских языков являются мифом, так как не может быть генетического базиса ни у общественных формаций, ни у языковых систем.

Однако и здесь проблема определения чревата последствиями для будущего. В конце двадцатых годов в господствующем дискурсе становится ясным, что наука в СССР должна иметь немедленное практическое приложение: объект науки в новом советском обществе – это будущее этого же общества. Один из насущных вопросов, которые напрашиваются еще с 1925 года таков: будет ли будущее общество качественно отличаться от нынешнего с национальной точки зрения? Мнения расходятся, кое-кто думает, что неотложная задача коммунизма состоит в осуществлении единой всеобщей культуры.

18-го мая 1925 года Сталин прагматически выступает с пресловутой формулой о культуре ”пролетарской по содержанию, национальной по форме”. Он допускает слияние всех языков в одном всеобщем в отдаленном будущем, но в настоящее время выступает за обогащение и саморазвитие национальных культур.

Итак в языковой политике начинают зарождаться противоречия; это, на мой взгляд, результат сосуществования двух несовместимых имплицитных позиций: либо языки, как и нации, являются дискретными категориями, либо непрерывными категориями, и, в последнем случае, может происходить постепенный переход от одного к другому. Либо языки могут смешиваться, либо они могут сражаться или находиться в состоянии господства / подчинения, не ассимилируясь. Дискурсы о языке были тогда еще эксплицитно достаточно разными, чтобы дать развиваться противоречиям, которые в дальнейшем будут углубляться.

После смерти Марра в 1934 г. можно утверждать, что языкознание занимает среди гуманитарных наук первое место. Однако, было бы ошибочно сравнивать эту ситуацию с ролью ведущей науки, которую структурная лингвистика играла на Западе в 50-е и 60-е годы. В СССР в 30-е годы языкознание не является моделью, которой следует подражать, или которую следует приложить к другим областям науки. Оно является лишь привилегированным примером

берется под сомнение идея прямого отношения, общественно-экономической обусловленности синтаксических структур. Мещанинов старается открыть в разных языках всеобщие категории, которые отражают единство человеческого сознания. Новое направление своей работы он оправдывает тем, что оно может служить теоретической рамкой для сопоставительных грамматик, которые были крайне нужны для желаемого распространения русско-национального двуязычия.

Каким образом работа лингвистов вписывается в политические требования конца 30-х годов? В 1936 г. принимается новая конституция, которая формулирует понятие об общенародном государстве, однородном обществе. Однако в то же время лингвисты продолжают свои поиски в области социологии языка и производят дискурс о языке, мало совместимый с новым определением Советского Союза как общенародного общества. Например, В.М.Жирмунский в том же 1936 г. изучает проблему социального напластования языков и продолжает критику идеи национального языка, которую начал Н.Я.Марр.

Уже после смерти Н.Я.Марра уменьшается доминирующая роль языкознания в гуманитарных науках в Советском Союзе: например отношение между языком и мышлением больше не составляет монополию лингвистов, а изучается такими психологами, как Л.С.Выготский, которые в свою очередь заявляют, что ведущей научной дисциплиной должна быть психология, призванная стать той наукой, на основании которой создастся новая человеческая личность.

В конце тридцатых годов происходит несколько радикальных изменений в международной политике, в практических требованиях политической власти в области управления двуязычием в стране, так же как и в иерархии и распределении общественных институтов.

Все эти изменения создают более благоприятное поприще для традиционного языкознания и способствуют ухудшению привилегированного положения марристского языкознания. Признаком изменения является перевод и издание главных произведений западных лингвистов: Соссюр издается в Советском Союзе в 1933 г., Сэпир в 1934 г., Вандриес в 1937 г., Мейе в 1938 г.

Но ключевая проблема в этот период – это национальная политика и ее идеологическое оправдание. В 1937 г. ветер уже задул в другом направлении в национальном вопросе. Мечты о мировом коммунистическом обществе в мире, освобожденном от раздоров, рушатся перед лицом германской угрозы. На месте космополитизма, которому Марр обязан был немалой долей своего влияния и силы, укрепляется идея советской солидарности, идея сплоченного общества.

Именно в это время все языки, которые получили письменность на латинской основе в начале двадцатых годов, "переходят" на кириллицу, а в 1938 г. преподавание русского языка становится обязательным во всех национальных школах.

В военные годы подчеркивается первостепенная роль русской науки в мировой науке. Становится идеологически законным изучать и публиковать русскую дореволюционную лингвистическую традицию.

Однако дискурс о языке в "официальном" языкознании не изменился. Этот дискурс все больше и больше удаляется от другого дискурса о языке, который мы находим, например, у таких писателей, как М.Горький. Тот заявлял уже в 1928 г.:

"Уместно будет напомнить, что язык создается народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, "сырой язык" и обработанный мастерами. Первым, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надобно обрабатывать его" ("О том, как я учился писать", Сочинения, т. 24, стр. 491).

В этом тексте уже проскальзывает чрезвычайная двусмысленность слова "народ", которое можно понять в его социалистическом толковании (как противоположность руководящим или деклассированным слоям общества) или в его романтическом истолковании (как противоположность другим, иностранным народам). В конце 40-х гг. противоречия, которые уже лет десять проявлялись между разными дискурсами о языке, достигают крайности.

Так же как советская биология отвергает генетику как расистскую теорию, так и советское языкознание отрицает всякую генетическую связь между языками и цепляется за идею строгого детерминизма языка общественной структурой. Но марристские лингвисты уже не в состоянии удовлетворять практические запросы в области обучения русскому языку в широком масштабе, которое в послевоенные годы правительство считало необходимым. "Новое учение о языке" Н.Я.Марра было идеологически полезным в прошлом, но становилось совершенно неприспособленным к новой задаче объединения советского населения вокруг русской науки и русского языка.

Весной 1950 г. газета "Правда" открывает пресловутую "лингвистическую дискуссию", окончившуюся вмешательством самого Сталина.

Самым парадоксальным образом Сталин придерживается как раз той позиции, за которую преследовались в конце тридцатых годов такие лингвисты, как Е.Д.Поливанов, а именно: "язык не претерпевает революционных сдвигов". Он развивает теорию об однородности говорящей массы, в полном соответствии с текстом Конституции 1936 г.

Напомним главные черты сталинских тезисов³:

- язык не является надстроечной категорией;
 - язык не есть классовое явление: он может "обслуживать" как пролетариат, так и буржуазию;
 - язык не претерпевает революционных изменений после социальной революции.
- Поль Лафарг не прав, когда он говорит, что французский язык резко изменился после Революции 1789 г.;
- задача языкознания заключается в том, чтобы изучать внутренние закономерности развития языка.

Сталин различает консервативные закономерности грамматики и более гибкие закономерности лексики, которая легче поддается влиянию внелингвистической действительности. Данное положение имеет то преимущество, что оно позволяет не только объяснить изменения, произошедшие в русском языке (в отсутствие революционных "скачков"), но и оправдать массовое проникновение русских

слов в национальные языки Советского Союза без опасности для цельности этих языков. Для языковой политики приводится новый тип аргументации о языке, новый дискурс о языке. Сталин, отказываясь от идеи смешивания и слияния языков, говорит о победе одного языка над остальными. Вырисовываются новые рамки, внутри которых оправдывается преобладающее положение русского языка в СССР.

Эти рамки, которые оставались обязательными в советском языкознании еще долго после XX съезда КПСС (1956 г.), не появились внезапно. Вмешательство Сталина в языкознание было политическим актом, которого можно было давно ожидать. Но с точки зрения дискурса о языке, следует иметь в виду, что это был способ уменьшить напряжение между двумя несовместимыми дискурсами. Несовместимы, например, были идея о том, что язык раздроблен на классовые диалекты и идея об общенародном языке, которую провозглашали уже в конце двадцатых годов такие писатели, как М. Горький или же в 1945 г. немарристские лингвисты как В.В. Виноградов, писавший: "Создание общего национального языка - важнейший этап в истории каждого народа. Только в таком языке нация получает средства для полного раскрытия своих духовных сил и возможностей и для широкого участия в мировом культурном движении. Только такой язык и может стать основой национальной науки и литературы. Он же содействует сплочению всех сил народа, укреплению политического могущества нации и росту ее влияния среди других государств. Понятно, что национальный литературный язык, как общее достояние всего народа, становится его драгоценным сокровищем, служит предметом народной гордости, самого внимательного попечения и ухода". (ВИНОГРАДОВ, 1945, 9).

III

А. Мейе сказал: "Каждый век имеет грамматику своей философии". Эту формулу перевел на свою терминологию французский лингвист Л. Ж. Кальве: "Каждое общество имеет лингвистику своих производственных отношений".

Я в свою очередь хотел бы предложить интерпретацию взаимоотношений общества со своей лингвистикой в следующих терминах: "Каждое общество производит строго определенный духом времени, но нередко противоречивый дискурс о языке".

Итак, я попытался рассказать историю, событийную историю производства языковедческого дискурса в СССР. Но я вскоре почувствовал трудности в построении линейной истории. Можно ведь рассказать о потрясениях в официальных инстанциях, о борьбе научно-исследовательских институтов за власть. Можно пересчитать репрессированных и выдвинутых лингвистов. Можно даже написать историю политического овладения знаком и представлением. Но все это еще мало что говорит о самом предмете науки о языке в Советском Союзе. Ведь история науки, или история понятия не рассказывается. Она не может быть повествованием. Она связана с Историей вообще, но ее не повторяет. Или, скорее, история каждой науки переплетается с Историей вообще.

Построить повествование мне мешало непрерывное движение между датами, между определениями, между понятиями.

Единственной, может быть, константой, в этих поочередных сменах направлений является философия истории, которая утверждает однонаправленность человеческого развития как торжествующего прогресса. Скорее, чем гегелевская философия истории, это позитивистская и сциентистская философия.

Можно теперь вернуться к вопросу, заданному в начале данной работы: когда начали сворачивать с правильного пути?

Мне кажется, что положение ухудшилось, как только политическая власть начала навязывать интеллигенции утилитарный заказ. Правда, сказанное является не открытием, а скорее избитой истиной. Однако мы научились задавать вопросы об отношении между Советским Союзом и проблемой языка: как у Марра, так и у Сталина проявляется та же слепота к специфичности языка, то же желание пренебрегать во что бы то ни стало материальным качеством языка, которое сопротивляется полному овладению им.

Можно также обратить внимание на современный Советский Союз и констатировать, что большая часть сегодняшних национальных конфликтов вытекает из сталинского определения языка и нации. Если бы язык был только "формой", не могло бы случиться такой ситуации, как весной 1989 года, когда тысячи демонстрантов на улицах Кишинева требовали латинизации графической основы молдавского языка. Но мы увидели, что сталинское определение языка и нации не дело одного человека, что и у него есть своя история, которая связана с романтическим уравнением языка и нации (как у Гердера).

Анализ дискурса о языке в Советском Союзе представляет собой привилегированную область для встречи лингвистов и специалистов по изучению СССР.

Сноски

1. Язык пятой среднеазиатской республики, Таджикистана, принадлежит к другой группе языков: индоевропейской.
2. Небезынтересно отметить, что эта теория трех стадий очень близка по тематике к теории трех "состояний", которые проходит человеческое мышление в позитивистской философии А.Конта.
3. Вполне вероятно, что не сам И.Сталин написал данный текст, а грузинский лингвист А.Чикобава. Но для нас это совершенно не существенная, а скорее анекдотическая деталь: важно то, что этот текст стал обязательным каноном в советском языкознании на протяжении многих лет.

ЛИТЕРАТУРА

ВИНОГРАДОВ В.В.: Великий русский язык, М., 1945

ВИНОКУР Г.О.: Культура языка, в сб. Печать и революция, 5, 1923, 101-111

ВЫГОТСКИЙ Л.С.: Мышление и речь, Москва-Ленинград, 1934

ГОРЬКИЙ М.: Об искусственности языка (письмо белорусским экспериментистам), в сб.: Известия ЦК СЭСР, №3/4, 1928

ЖИРМУНСКИЙ В.М.: Национальный язык и социальные диалекты, Ленинград, 1936

МЕЩАНИНОВ И.И.: Общее языкознание. К проблеме стадильности в развитии слова и предложения, Ленинград, 1940

Сборник важнейших декретов, М., 1923

СВАДОСТ Э.: Как возникнет всеобщий язык? М., 1968

ЦИОЛКОВСКИЙ К.Э.: Общечеловеческая азбука, правописание и язык, Калуга, изд.автора, 1927

ЯКОВЛЕВ Н.Ф.: Математическая формула построения алфавита, в кн.: Культура и письменность Востока, вып.1, 1929, 41-64

SAMUELIAN T.J.: The Search for a Marxist Linguistics in the Soviet Union, 1917-1950. Ph. D. Diss., Univ. of Pennsylvania, 1981

VUCINICH A.: The Empire of Knowledge: the Academy of Sciences in the USSR (1917-1984). Univ. of California Press, Berkeley - Los Angeles, 1984